

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Ю.В. Иванова, П.В. Соколов

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
И ИСТОРИОГРАФИИ ЧИНКВЕЧЕНТО
ПОСЛЕ МАКЪЯВЕЛЛИ И ГВИЧЧАРДИНИ**

Препринт WP6/2009/08
Серия WP6

Гуманитарные исследования

Москва
Государственный университет – Высшая школа экономики
2009

И20 **Иванова Ю.В., Соколов П.В. Основные направления политической мысли и историографии Чинквеченто после Макьявелли и Гвиччардини:** Препринт WP6/2009/08. – М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2009. – 36 с.

Статья представляет собой опыт обобщения и классификации основных направлений и жанровых форм итальянской исторической и политической литературы XVI столетия (Чинквеченто). В корпусе исторических и политических сочинений этого периода автор выделяет: прагматически ориентированные историко-политические сочинения, созданные под влиянием идей Макьявелли и в полемике с ними; трактаты, наследующие схоластической политической культуре; монументальные труды деятелей Контрреформации; сочинения, продолжающие традиции гуманистической историографии Кватроченто и создаваемые в русле традиционной этико-риторической парадигмы; обширный корпус эрудитской, «антикварной» исторической литературы; образцы популярных дидактических жанров (concelli, биографии и т.п). Совокупность жанров исторической литературы Чинквеченто рассматривается как система способов и форм конвертации знания о прошлом в инструмент ориентации в социальной жизни и средство аргументации при изложении политических воззрений.

УДК 321.01
ББК 66.1(4 Ита)

Иванова Юлия Владимировна – ИГИТИ ГУ ВШЭ
Соколов Павел Валерьевич – ИГИТИ ГУ ВШЭ

Ivanova J., Sokolov P. Main Tendencies of Italian Cinquecento Political Thought and Historiography after Machiavelli and Guicciardini: Working paper WP6/2009/08. Moscow: State University – Higher School of Economics, 2009. – 36 p. (in Russian).

Present work is aimed at summarizing and classifying the principle areas and genres of the Italian historical and political thought of the XVI century (Cinquecento). Addressing the large corpus of historical and political literature of the period, author focuses on pragmatically oriented writings, influenced by Machiavelli and directed against him; treatises, inheriting the scholastic political culture; monumental Counterreformation works; writings, succeeding to the Quattrocento humanistic tradition; a vast bulk of erudite “antiquarian” literature; samples of popular didactic genres (biographies, concetti). The multiplicity of historical literary genres is treated as a system of forms and ways of converting the knowledge about the Past into an instrument of social orientation as well as into a means of argumentation in exposition of political views.

Ivanova, Julia V. – IGITI SU HSE
Sokolov, Pavel V. – IGITI SU HSE

Препринты Государственного университета – Высшей школы экономики размещаются по адресу: <http://new.hse.ru/C3/C18/preprintsID/default.aspx>

© Иванова Ю.В., 2009
© Соколов П.В., 2009
© Оформление. Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2009

Этот очерк – попытка наметить силовые линии в поистине необозримом поле многообразной и разнородной исторической и политической литературы, созданной в Италии в середине и конце XVI столетия¹. Родившись в лоне гуманистической культуры первых десятилетий XV в., историческое повествование изначально явилось языковой лабораторией, в которой из синтеза общественной мысли античности и политических нужд актуальной современности возникли важнейшие категории социально-политического дискурса Новой Европы. Именно в этом качестве оно развивалось на протяжении двух последующих столетий. Изобретая инструменты описания и анализа устройства общества в разные периоды его жизни и проверяя эти инструменты «в действии», т.е. добиваясь логичности, отчетливости, полноты и убедительности той картины действительности, которая возникала в исторических повествованиях, ренессансные историографы не просто каталогизировали и связывали между собой события прошлого. Их усилиями создался новый социальный порядок: исторические аналогии привносили новый смысл в установления современного общества – тождественность жанров и форм, в которые облекались повествования о весьма отдаленном прошлом и рассказы о прошлом совсем недавнем, служила основанием для применения к исследованию современной общественной жизни законов и принципов, усмотренных историками-классиками в жизни античных обществ.

Использование одного и того же «классического» (т.е. заимствуемого у авторов древности и признаваемого образцовым) языка и в описаниях событий далекой древности, и при анализе социальных явлений современности, порождало парадокс в сознании времени: возникал эффект мерцания – граница между актуальным настоящим и «древнеклассической» эпохой стиралась. Такое принципиальное, ставшее методом социального мышления неразличение времен позволяло политической мысли говорить на языке истории и целиком

¹ Работа написана при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта «Рождение классики: историческое самосознание науки в доклассическую эпоху» (№ 08-03-00407а).

довольствоваться этим. От самого момента своего рождения, уже в творчестве первого историка-гуманиста Леонардо Бруни², историография и политическая философия образовывали синкретическое единство. В текстах наследников Бруни, включая величайших историков Ренессанса Никколо Макьявелли и Франческо Гвиччардини, исторический дискурс на полных правах участвовал и в истолковании человека и государства, и в конституировании политического мира. Поэтому, взявшись описывать состояние историографии в период, когда труды Макьявелли и Гвиччардини уже находились в центре интеллектуальной жизни Италии, мы сочли возможным и целесообразным рассмотреть совокупность жанров исторической литературы, в значительной мере инспирированной этими трудами, как систему способов и форм конвертации прошлого в инструмент ориентации в социальной жизни и средство аргументации при изложении политических воззрений.

В принципе свойственная историческому знанию роль структурирования социума, очевидная, когда нам приходится говорить о крупных формах историографии, в малых жанрах историописания (анекдотах, *concetti*, исторических разделах путеводителей и т.п.), возможно, покажется читателю гораздо более скромной или вообще несущественной. На наш же взгляд, как раз эти «побочные продукты» историографической практики, ставшие частью быта не для адептов науки, но и для простых любителей легкого досужего чтения, наивернейшим образом свидетельствуют о месте и значении исторического знания в культуре Чинквеченто — эпохи, когда интерес человека к истории становится столь же естественным, что и во все времена свойственный ему интерес к самому себе.

² Леонардо Бруни Аретино (1370 или 1374 — 1444) — один из виднейших представителей первых поколений гуманистического движения, канцлер Флорентийской республики и создатель «Истории флорентийского народа» (*Historiarum Florentinorum libri*, изд. 1610), повествующей о событиях от основания Флоренции до 1402 г. Работа Бруни над этим трудом была прервана его смертью, однако оставшееся незаконченным сочинение по заказу флорентийского правительства было переведено на вольгаре Донато Аччайуоли, а Леонардо Бруни удостоился погребения в Санта Кроче — официальном месте захоронения виднейших граждан Флоренции. Надгробный памятник изображает усопшего Бруни, на груди которого лежит «История флорентийского народа».

В 1921 г. вышла в свет книга Джузеппе Тоффанина «Макьявелли и “тацитизм”. “Историзированная политика” в эпоху Контрреформации»³. Количество кавычек в заглавии книги — в данном случае отнюдь не свидетельство сомнений автора в точности употребленных слов, а признак радикальной новизны изобретенных им понятий. В Тоффанине история общественной мысли Италии XVI в. нашла своего первого теоретика. Связывая чинквечентистскую рецепцию сочинений Макьявелли с происходившей на протяжении XVI в. сменой парадигм историописания, Тоффанин основывается на том, что перемены — как в политической ориентации, так и в выборе классических авторитетов, в чьих повествованиях о давнем прошлом угадывались контуры событий насущной современности, — фиксирует центральный для всех направлений интеллектуальной культуры Ренессанса жанр: комментарий. Мысль историков-гуманистов XV — начала XVI вв. черпала энергию из трудов Тита Ливия: ему подражали в собственных сочинениях, его комментировали. В современных сочинениях по истории итальянской ренессансной литературы и историографии XV век называют эпохой Ливия. Так что Макьявелли, избравший его источником для своих государствоведческих спекуляций, скорее традиционен, чем оригинален в своем предпочтении всем прочим античным историографам республиканца, для которого история Рима была в первую очередь историей римской свободы, зиждущейся на римской доблести.

Дж. Тоффанин фиксирует тот факт, что к середине XVI в. Ливий утрачивает актуальность — писать о нем почти перестают⁴. В потоке исторической и политологической литературы его имя лишь изредка всплывает благодаря усилиям поборников демократии, регулярно терпящих поражения в столкновениях с политической действительностью. Последнее значительное событие в ренессансной судьбе Ливия — появление итальянского перевода и комментария I декады,

³ *Toffanin G. Machiavelli e il “Tacitismo”. La “Politica storica” al tempo della Controriforma. Padova, 1921.* Далее мы приводим ссылки на это сочинение по неаполитанскому изданию 1972 г.

⁴ *Ibid.* P. 132–135.

выполненного Якопо Нарди⁵ (1476–1563), поклонником Савонаролы и автором написанной с республиканских позиций «Истории града Флорентийского»⁶ (о событиях 1498–1538 гг.), который после реставрации Медичи в 1530 г. был осужден на изгнание с конфискацией имущества и провел вдали от родной Флоренции 30 лет жизни.

На авансцену историко-политических дискуссий выдвигается новая фигура — Корнелий Тацит. Множественность возможных толкований текста, порой прямо противоречащих друг другу, возведена Тацитом в принцип письма, а деяния его героев таковы, что в их описаниях понятия традиционной этики демонстрируют самое жалкое бессилие и самую беспомощную нищету содержания. «Я приступаю к рассказу о временах, исполненных несчастий, изобилующих жестокими битвами, смутами и распрями, о временах диких и неистовых даже в мирную пору», — зачин Тацитовой «Истории», повествующей о жизни Рима под властью императоров, в первые десятилетия Чинквеченто звучит очень современно. Способы организации государственной жизни в период становления абсолютизма в Европе накануне Нового времени претерпевают метаморфозы, в описании и исследовании которых оказывается весьма полезным опыт историка, жившего в эпоху Империи. Политическая власть, с одной стороны, все более бескомпромиссно отождествляет с собой государство, а с другой — перерождается из гаранта исполнения закона в абстрактную силу, исходящую в своих действиях из очень непрозрачных оснований и откровенно преследующую одну-единственную цель: сохранение государства, т.е. самой себя, любыми средствами. Тоффанин объясняет популярность Тацита среди чинквечентистских историков и политических мыслителей тем, что они проецируют на его повествование собственный опыт чтения «Государя»: трактат Макьявелли воспринимается как теоретический экстракт Тацита, а «Анналы» и «История» — как иллюстрация к максимам «Государя».

⁵ Le Deche di T. Livio Padovano delle Historie Romane tradotte nella lingua Toscana da M. Jacopo Nardi. Venezia: Giunti, 1554.

⁶ Nardi J. Istorie della città di Firenze di Iacopo Nardi ridotte alla lezione de' codici originali con l'aggiunta del decimo libro inedito e con annotazioni / a cura di Lelio Arbib. Firenze, 1838. Электронная версия этого труда: http://imagohistoriae.signum.sns.it/TOC_Nardi_Istorie.ph.

В 1515 г. Филиппо Бераальдо Младший (1472–1518) посвящает Льву X⁷ свое издание «Анналов», отмечая в послании к папе высочайшую полезность этого труда как для частных граждан, так и для тех, кто стоит у кормила власти (*summe utilem cum privatis hominibus tum vero etiam principibus et imperatoribus*⁸). На протяжении многих лет составлял заметки к сочинениям Тацита римский правовед Андреа Альчиато (1492–1550), которого Дж. Тоффанин именуется «подлинным Макьявелли от юриспруденции». Альчиато, чья литературная деятельность была не только обширна, но и разнообразна, остался в памяти потомков совсем не как политехнолог-макьявеллист, а как автор одного из самых знаменитых собраний модных в его время эмблематических изображений⁹. Но для современников, которые видели в эмблематике в первую очередь когнитивный метод и только во вторую — эстетическое явление, по-видимому, не составляло особого труда привести к общему знаменателю идеи, преподанные одним автором в очень разных формах: в 1620 г. Джулио Чезаре Капаччо (1550–1634) издает труд под названием «*Государь*, извлеченный из *Эмблем* Альчиато»¹⁰. Эмилио Ферретти (1489–1552), тоже юрист по профессии, публикует критическое издание «Анналов»¹¹, опираясь на филологические находки предшествующих ему исследователей и издателей Тацита. Младший современник Альчиато и Ферретти и их коллега по законоведческому цеху Марк Антуан Мюре (или, как называли Мюре его римские слушатели, Маркантонио Мурето, 1526–1585) в 1580–1581 гг. читает лекции о Таците в Риме. В 1589 г. Аннибале Ското, *cubicularius intimus* (т.е. постельничий) папы Сикста VI, издал комментарий к «Анналам» и «Истории»¹².

⁷ Лев X — в миру Джованни Медичи (1475–1521), второй сын Лоренцо Медичи, прозванного Великолепным, и Клариче Орсини; папа римский с 1513 г.

⁸ *Toffanin G.* Op. cit. P. 136.

⁹ *Viri Clarissimi D. Andreae Alciati Iurisconsultiss. Mediol.* Ad D. Chonradum Peutingenum Augustanum, Iurisconsultum Emblematum Liber. Augsburg, 1531.

¹⁰ Il Principe del signor Giulio Cesare Capaccio gentil'huomo del serenissimo signor Duca d'Urbino; tratto da gli emblemi dell'Alciati, con ducento, e piu avvertimenti politici, e morali. Venetia, appresso Barezzo Barezzi, 1620.

¹¹ *P. Cornelii Taciti, equities romani ecc.: Annalium libri XVI. Ex castigationibus Aemilii Ferretti, Beati Rhenani, Alciati ac Beroaldi.* Lugduni, 1542.

¹² *Annibalis Scoti, Placentini, Comitis et iurisconsulti Sixti V Pont. Max. ... in P. Cornelii Taciti Annales et historias commentarii ad politicam et aulicam rationem praecipue spectantes.* Roma, 1589.

Квинтэссенцией чинквечентистского тацитизма явились «Рассуждения о Корнелии Таците» (1594) Шипионе Аммирато (1531–1601)¹³. Шипионе Аммирато – один из очень немногих персонажей истории позднеренессансной рецепции Тацита, чье имя сегодня известно за пределами узкоспециальной литературы, посвященной проблемам политической культуры Чинквеченто. Возможно, потому, что труд его стал замечательным примером интерференции тацитовых повествований и идей Макьявелли в политическом сознании Чинквеченто. Во введении к нему Аммирато делает вид, будто берется писать очередное «зерцало государево», каковых десятки были составлены на протяжении Средневековья и предшествующего XV в. (отметим, что и Макьявеллиев «Государь» тоже вписывается в традицию «зерцал»), но сразу же оговаривается, что полезные для сильных мира сего уроки намеревается извлекать не из положительных, а из отрицательных примеров, которых так много содержится в тацитовых книгах, – подобно тому как снадобья, способные исцелять тяжелейшие болезни, приготавливают из смертоносного яда змей. Однако более близкое знакомство сopusом Аммирато убеждает в том, что и по форме, и по содержанию он представляет собой настоящую политическую «сумму». Автор не просто извлекает примеры, иллюстрирующие его максимы, из «Анналов» и «Истории» и даже не просто обобщает чинквечентистский опыт тацитистских штудий: он свободно ориентируется и в пространстве всей античной историографии, и в событиях актуальной современности и подчиняет всю массу сведений и наблюдений, почерпнутых из древних и новых авторов, замыслу своего огромного, протяженностью в 21 книгу, труда.

На протяжении XVI в. и в продолжение следующего столетия тацитизм не остается явлением сугубо итальянским – хотя число римских изданий трудов Тацита и сочинений о нем и убеждает в том, что в политической культуре папского двора XVI–XVII вв. изучение его трудов занимало особое место. Увлечение Тацитом быстро приобрело общеевропейские масштабы. Упомянем хотя бы самые важные имена в истории его чинквечентистской рецепции. Немецкий гуманист Беат Ренан (1485–1547) еще в 1532 г. писал о том, что «Тацита следует ставить не ниже Ливия, а, скорее, предпочитать ему» (Livio

¹³ *Ammirato Sc. Discorsi sopra Cornelio Tacito. Padova, 1643.*

non sit postponendus Tacitus, quin potius anteferendus)¹⁴. Фламандец Юст Липсий (1547–1606) издал в 1574 г. собрание сочинений Тацита, в 1581 г. – комментарий к нему, а в 1589-м – шесть книг «Политики»¹⁵, основанной на его тацитистских штудиях. Шарль Паскаль (или, как сам он предпочитал называть себя на латинский манер, Карл Пасхалий – Carolus Paschalius, 1547–1625), происходивший из знатной пьемонтской семьи, получивший образование в Швейцарии и работавший во Франции, выпустил в свет одновременно с комментарием Липсия собственное комментированное издание Тацита¹⁶.

В первые десятилетия XVI в. гуманистическая литературная аксиология еще очень сильна. Поэтому ранние чинквечентистские апологеты Тацита, как правило, чувствуют себя обязанными, сравнивая стилистические достоинства римских историков, предпочесть не слишком-то аккуратному языку «Анналов» стиль Ливия, во все времена почитавшийся образцовым. Однако все отчетливее осознаваемая актуальность содержания тацитовых трудов постепенно трансформирует стилистические вкусы читателей. В предисловии к итальянскому изданию Тацита 1563 г. переводчик его трудов на вольгаре говорит о нем как о писателе «скабрезном, но красивом» (*scrittore scabroso ma bello*)¹⁷. Марк Антуан Мюре называет своих предшественников, недооценивших стиль его кумира, недостаточно тонкими знатоками латинского языка (*latinitatis certe non admodum idonei existimatores*)¹⁸. А Пьетро Андреа Каноньеро, издавший в 1609 г. «Вопросы и рассуждения о первых двух книгах “Анналов” Корнелия Тацита»¹⁹, прямо заявляет на первых страницах этого труда о своей приверженности стилистическим принципам Тацита («чтобы речь наша стремилась быть правдивой и полезной, а не изящной» – *noster sermo... ad veritatem et utilitatem non ad elegantiam accederet*)²⁰. Барочным вкусам начала XVII в. неровная, отрывистая, в экспрессии под-

¹⁴ *Momigliano A. Contributo alla storia degli studi classici. Roma, 1979. Vol. I. P. 38.*

¹⁵ *Lipsii J. Politicorum sive Civilis Doctrinae Libri Sex. Leiden: Plantijn, 1589.*

¹⁶ C. C. Taciti ab excessu divi Augusti Annalium libri quatuor priores, et in hos observationes C. Paschalii. Paris, 1581.

¹⁷ *Toffanin G. Op. cit. P. 142. Переводчиком этим был Джорджо Дати; перевод Тацита был издан после его смерти.*

¹⁸ *Ibid. P. 140–141.*

¹⁹ *Canoniero P.A. Quaestiones ac discursus in duos primos libros Annalium C. Corneli Taciti. Roma, 1609.*

²⁰ *Toffanin G. Op. cit. P. 141.*

час не знающая меры повествовательная манера Тацита станет казаться совершенной. Помимо идеально найденной писателем-историком гармонии между зиждущимся на парадоксах языком и исполненным абсурда миром, в манере Тацита усмотрят потенции к производству афористических умозаключений, способных поразить мысль неожиданным сочетанием смыслов и неумолимо точным выражением жизненной (в том числе и политической) истины.

2

В литературе гуманистов Кватроченто историография, этика и риторика пребывали в синкретическом единстве: история воспринималась как резервуар нравственных примеров, а язык, на котором эти примеры излагались, автоматически включал их в иерархию ценностей, которая признавалась единственно возможной. Однако уже в середине XV в. в этом единстве показываются первые трещины: поборник реализма в историописании Лоренцо Валла в споре с Бартоломео Фацио, адептом «парадной» историографии, ориентированной на язык классической этики, демонстрирует вполне ясное осознание того факта, что идущая от Цицерона риторическая модель «нравственно прекрасного» действия лишь спорадически пересекается с действительностью истории и — шире — жизненного мира²¹. И в целом ряде своих сочинений тот же Валла весьма убедительно проводит деконструкцию языка аристотелианской этики, показывая, что в создании реалистического описания всех действий, не являющихся предельными проявлениями каких-либо свойств человеческой природы, этот язык теряет силу — оказывается неполным и неточным, вносит существенные искажения в предмет.

В начале Чинквеченто под пером Макьявелли схваченные Валлой противоречия между прагматическими целями исторических действий и требованиями классической этики, запечатленными в языке

²¹ *Valla L. Antidotum in Facium / Ed. M. Regoliosi. Padova, 1981. О споре Л. Валлы и Б. Фацио см.: Gardiner Janik L. Lorenzo Valla: The Primacy of Rhetoric and the Demoralization of History // History and Theory. 1973. Vol. 12. No. 4. P. 289–404; на русском языке: История литературы Италии / Отв. ред. М.Л. Андреев. Т. II. Кн. 1: Век гуманизма. М., 2007. С. 124–130, 213–216.*

традиционной историографии, превращаются в зияющие разрывы. Творчество Макьявелли, безусловно, является тем истоком, из которого выходит вся история чинквечентистской политической и исторической мысли. По словам Лео Штраусса, автор «Государя» «открыто говорит там, где прежде было молчание». Макьявелли расширил классическую риторическую парадигму, которая прежде эксплуатировалась односторонне: он исходил из того, что антропологическая модель, описываемая в понятиях воскрешенной гуманистами Кватроченто классической риторики, вовсе не предполагала собственной победы в столкновении с антропологической моделью, зиждущейся на менее «идеальных» основаниях. Напротив, высшей добродетелью, которую воспитывала классическая риторика, было самоотречение — способность героически принять «крушение и смерть» ради утверждения этической нормы. Но какое значение приобретет эта этическая норма, если субъектом, обреченным на «крушение и смерть», становится не индивидуум, а государство в целом? Если гибель одного героя целесообразна, так как может послужить на благо многим, то гибель целого государства ничему уже послужить не может. Раз Макьявелли избирает предметом своего анализа не поведение отдельного человека, а законы существования государства, ему приходится отталкиваться от традиционного языка, отучавшего от страха перед смертью: его цель — вновь заставить ненавидеть и бояться ее.

Макьявелли предстоит выработать содержательно новую, имманентистскую этику политического действия взамен «неработающей» прежней, имевшей трансцендентные основания. Решая эту задачу, он избирает критический метод, изобретенный Лоренцо Валлой, но в его применении заходит дальше Валлы: если последний в своей критике понятий не выходил за пределы аристотелианского языка и его содержаний, то Макьявелли стремится сразу говорить о действиях и их эффектах, как будто бы минуя язык. Наверное, отчасти из этой языковой недостаточности, порой даже небрежности, его историко-политических построений и происходит то неоднозначное впечатление, которое на протяжении последних пяти столетий заставляет читателей Макьявелли спорить о том, чего в них больше — идеализма или прагматики, иронии или серьезности, чувства насущной современности или же неспособности преодолеть модели политического мышления, навязанные классической историографией.

Он остается в кругу понятий, доставшихся ему в наследство от гуманистической традиции Кватроченто, т.е. принадлежащих классической этико-риторической парадигме, но заставляет обратить внимание на то, что у них есть еще и обратная сторона. Так, предлагая политические решения, которые часто идут вразрез с традиционными этическими представлениями, он постоянно тематизирует «крушение и смерть» в качестве единственной их альтернативы²².

Свидетельством гениальности Макьявелли может служить то, что практически все, кто будет писать об истории и политике после него, даже при самом критическом отношении к автору «Государя» уже не смогут преодолеть свойственный его политическому мышлению имманентизм и отказаться от предложенных им схем исторического описания: сфера политического действия, автономию которой провозгласил Макьявелли, в европейской культуре останется таковой уже навсегда. На протяжении Чинквеченто у автора «Государя» объявится множество оппонентов. По большей части это будут идеологи Контрреформации: они станут упрекать Макьявелли не только в безнравственности, но и в практической несостоятельности, но при этом центром их политических дискуссий все равно останется *ragion di stato* — «соображения государственной пользы». Этот термин обнаруживает столь тесную связь с контекстом своего возникновения, т.е. именно с политическим мышлением Чинквеченто, что в политологической литературе его часто можно встретить без перевода.

Авторы исторических и политических сочинений, вдохновляясь чтением Макьявелли, станут воспроизводить ход его мысли, зачастую попросту не ссылаясь на одиозный источник. А Макьявеллиевы термины при этом старательно и вполне последовательно заменяются до того близкими к ним синонимами, что и самый невнимательный читатель едва ли не опознает их. «Государь» становится прецедентом грубого нарушения авторских прав еще до того, как появляется его печатное издание. В 1523 г. в Неаполе Агостино Ницо (ок. 1473 — 1538 или 1545) публикует латиноязычный трактат «Об искусстве государственного правления» (*De Regnandi Peritia*), попросту переводя на латынь целые пассажи из неопубликованного, но уже

²² О языке исторического описания и о строении политического суждения у Макьявелли, а также о рецепции Макьявелли в раннее Новое время см.: *Kahn V. Machiavellian Rhetoric: From the Counter-Reformation to Milton*. Princeton, 1994; *Mindle G B. Machiavelli's Realism // The Review of Politics*. 1985. Vol. 47. No. 2. Apr. P. 212–230.

снискавшего популярность сочинения Макьявелли²³. Сиенец Лелио Марретти во всех трех томах своих «Политических заметок»²⁴, посвященных сочинениям Тацита, но написанных по образцу «Рассуждений о I декаде...» и кишаших парафразами из Макьявелли, ни разу не упоминает имени того, чьи произведения служат ему образцом построения его комментариев и источником идей. Джироламо Гаримберти (1506–1575), бывший епископом Галлезе в Тоскане, писатель весьма плодовитый, но для своей эпохи второстепенный и вскоре после смерти основательно забытый, в трактате «О Фортуне» (*Della Fortuna*. Venezia, 1547) берется рассуждать о военных предприятиях папы Юлия II и объясняет успех понтифика его отвагой (*animosità*) и способностью действовать быстро и стремительно (*prestezza*), противопоставляя эти свойства «достовам разума и какому-либо здравому рассуждению» (*la ragione e sano consiglio alcuno*). Если вспомнить о том, как расценивал действия Юлия II Макьявелли, то за *animosità* и *prestezza* Гаримберти совсем не трудно угадать *ferocia* и *empito* из «Государя»²⁵.

Львиную долю исторической и политической литературы Чинквеченто создали авторы, которые позиционировали себя как оппонентов Макьявелли. Как правило, их труды представляют собой проникнутый пафосом умеренности и консерватизма сплав реанимированной гуманистической риторики с более или менее плохо прикрытым имманентизмом в анализе событий политической истории. Понятие «*ragion di stato*» утвердилось в правах основного инструмента политической мысли после выхода в свет сочинения одного из самых суровых критиков Макьявелли — Джованни Ботеро (1544–1617). В 1589 г. Ботеро завершает труд в 10 книгах под названием «*Della ragion di stato*»²⁶ (Дж. Тоффанин впоследствии назовет его Библией

²³ О труде Агостино Ницо см. статью: *Cosentino P. Un plagio del Principe: il De regnandi peritia di Agostino Nifo* (http://www.disp.let.uniroma1.it/fileservices/filesDISP/139-160_COSENTINO.pdf).

²⁴ *Toffanin G.* Op. cit. P. 153 sgg. Тоффанин приводит ссылку на рукопись «Политических заметок» (*Ricordi politici, кон. XVI в.) Марретти из флорентийской библиотеки Magliabecchiana*.

²⁵ *Storia della letteratura italiana / Direttori E. Cecchi, N. Sapegno. V. V. Il Seicento*. 1974. P. 57–58. Далее ссылки на эту работу: *Cecchi E., Sapegno N.* Op. cit.

²⁶ *Botero G. Della ragion di stato / A cura di Ch. Continisio*. Roma, 1997. См. также версию этого сочинения в электронной библиотеке Университета Сапиенца: <http://www.bibliotecaitaliana.it/xtf/view?docId=bibit000589/bibit000589.xml>. На русском

контрреформы). Ботеро начинает с отсылки к весьма распространенным в его время дискуссиям о *ragion di stato*, в которых чаще прочих звучат имена Макьявелли и Тацита. «Государь» прочитан донельзя буквально — его автору вменено в намерение воспитание тирана, отличающегося не только нечестием, но также и экстраординарной дикостью и жестокостью. Ботеро эпатирует популярность изложенной Макьявелли концепции — с точки зрения политика от Церкви необъяснимая, ибо основана она на недостатке совести (*nella rosa coscienza*). Ведь в «Государе» преподносится как социальная норма (*norma* — так у Ботеро), да к тому же еще и **рекомендуется к применению** в руководстве государством, в высшей степени «варварский способ правления (*barbara maniera di governo*)». И этот вредоносный способ некоторые из тех, кто берется давать советы сильным мира сего, противопоставляют благому учению Церкви, в то время как даже звери обладают инстинктом, который отвращает их от вещей, способных привести к гибели, и привлекает к вещам полезным. Ботеро намеревается поведать о том, каков должен быть государь, способный привести вверенный ему народ к процветанию и благоденствию. Многократно поминавшийся нами Тоффанин на этот счет заметил, что разница между ненавистным и достойным смерти тираном «Государя» и святым государем из «*Ragion di Stato*» состоит лишь в отношении Св. Престола к каждому из них.

Ragion di stato Ботеро определяет как «знание средств, позволяющих создавать, сохранять и расширять владения». Он строит нехитрую схему взаимоотношений основных субъектов политического действия: государство — государь — подданные — внешние враги. Мышлению Ботеро свойствен психологизм: благополучие государства, явным образом отождествляемого с политической властью, ставится в зависимость прежде всего от нравственных качеств правителя и лояльности подданных к господствующему режиму. Наиболее распространенными причинами крушения государств признаются жестокость власть имущих и их развращенность. Если же народу доведется выбирать себе правителя, то вождю всенародно любимому правильнее будет предпочесть вождя, обладающего безупречной репутацией, ибо любовь можно снискать, даже обладая посредствен-

языке о Ботеро см.: *Чиколлини Л. С.* Концепция «государственного интереса» Джованни Ботеро // *Культура Возрождения и власть.* М., 1999. С. 67–83.

ной добродетелью, а безупречную репутацию — только при наличии выдающейся добродетели.

Основным принципом долголетия и благополучия государства провозглашается *mediocrità*: умеренность притязаний, способность довольствоваться наличным положением вещей и жертвовать личными амбициями во имя покоя и благоденствия подданных. Однако положительные примеры претворения этих принципов в политическую действительность Ботеро найти не так легко, поэтому ему приходится довольствоваться примерами отрицательными. История учит, что империи, стремившиеся к бесконечному расширению своих территорий и бесконечному же накоплению материальных благ, рано или поздно терпели крах, чего, наверное, им удалось бы избежать, если бы правившие ими силы отказались от избыточных притязаний. Едва ли тех, кто расширяет государственные владения, следует почитать больше, нежели тех, кто способен просто сохранить *status quo* процветающего государства и избежать жертв и волнений, неизбежно связанных с завоеваниями. Агрессорам достается больше славы лишь потому, что их действия предстают взорам общества в ореоле героизма, часто не имеющего никакого отношения к настоящей пользе государства. Всякое вообще превосходство меры, в том числе и разумной меры богатств, причитающихся государству в целом и каждому из его подданных по отдельности, имеет следствием крушение и гибель: избыток благ подрывает благосостояние и благополучие государства извне, внушая зависть соседям, и изнутри, развращая граждан.

Изложение Ботеро трудно признать по-настоящему последовательным: речевые штампы, в изобилии поставляемые ему гуманистической, т.е. риторической, традицией политической этики, он сочетает с незамысловатыми доводами здравого смысла и того же свойства суждениями, относимыми к области психологии. Так, составляя реестр качеств и умений, необходимых правителю, он сначала говорит о благоразумии (*prudenza*) и доблести (*valore*, чтобы не воскрешать призрак Макьявеллиевой *virtù*), которые почитает столпами всякого доброго правления, затем вдруг переходит к полезности изучения истории, после говорит о душевных свойствах подданных, а затем ведет речь об искусстве хранить государственные тайны (*secretezza*). При всей грандиозности замысла Ботеро в его концепции легко различить интенцию, в его время весьма распространен-

ную. Ему хочется обратить историю политической мысли вспять: крестить Макьявелли и вернуть его имманентистскую политологию в лоно христианской этики, пересказав ее на языке классической риторики — со всеми возможными редукциями и упрощениями, к которым склонен этот язык.

Вполне естественно, что экстремизм и амбивалентность, свойственные мысли Макьявелли, его оппоненты трансформируют в последовательный консерватизм. Помимо созданной Ботеро, можно привести в пример еще множество апологий политической умеренности, появление которых явно спровоцировано сочинениями Макьявелли. Одна из них принадлежит перу венецианца Паоло Парута (1540—1598), приобретшего немалый опыт политической жизни на службе Светлейшей²⁷ и удостоенного звания ее официального историографа²⁸.

Написанные Парутой «Политические рассуждения»²⁹ состоят из двух книг: в первой автор рассматривает политические режимы государств древности, уделяя наиболее пристальное внимание Риму, а во второй переходит к проблемам современной ему политики. Вслед за Полибием он находит три составляющих государственной власти в древнем Риме: монархическую, представленную сначала царями и позже консулами, аристократическую и народную. Но Парута не признает того, что эти элементы находились в гармонии и уравновешивали друг друга. Полибий описывает взаимоотношения трех субъектов власти в Риме как идеальную систему противовесов и взаимопоров. Парута это опровергает, тем самым не соглашаясь не только с Полибием, но и с Макьявелли. В самом разделении властей он видит ущербность римских государственных установлений, непрестанно провоцирующую нарушения гармонии и равновесия в жизни Рима: патриции узурпируют права плебеев, а плебеи восстают против них.

²⁷ Светлейшая — *Serenissima* — так Венецианская республика официально именовалась с XV в.

²⁸ В «Истории Венеции», которую Парута продолжил вслед за Пьетро Бембо, также занимавшим пост официального историографа Венеции, описываются события 1513—1572 гг.: *Paruta P. Historia Venetiana*. Venezia, 1645 (посм. изд.).

²⁹ *Discorsi politici di Paolo Paruta Nobile Venetiano Cavaliere e Procurator di S. Marco nei quali si considerano diversi fatti illustri, e memorabili di Principi, e di Repubbliche Antiche, e Moderne. Divisi in due libri...* Venezia: Baglioni, 1629. До сих пор не утрачивает своего значения монография о политических сочинениях П. Паруты: *M zi res A. Etude sur les œuvres politiques de Paul Paruta*. Paris, 1853.

Если бы не несовершенство законодательства, патриции не смогли бы сосредоточить в своих руках таких богатств, которые позволяли им угнетать неимущих, а плебеи не добились бы в лице своих трибунов власти, достаточной, чтобы парализовать действия сената. Нетрудно предвидеть, что в этих конфликтных отношениях в итоге возобладает плебс, так как каждая новая уступка со стороны остальных политических сил не удовлетворяет его, а только разжигает его амбиции.

Идея общегражданского равноправия вообще не импонирует Паруте. Он высказывался против нее еще в посвященном государственному устройству Венецианской республики диалоге «Об усовершенствовании политической жизни»³⁰. И в «Политических рассуждениях» он говорит, что равноправие означает слабость правительства и что в Риме сенат и патриции не должны были допускать такой меры влияния народа на государственные дела. Впоследствии он возьмется доказать, что окончательное падение Города явилось следствием усиления демократического элемента в эпоху солдатских (т.е. избираемых низшими слоями населения) императоров. Мнение для венецианца вполне мотивированное. Доля власти в руках плебса опасна еще и потому, что плебс гораздо более многочислен, нежели другие сословия. Так постепенно его воля становится законом для Рима. А установление режима правления, в котором доминирует плебс, есть, по мнению Паруты, прямой путь к тирании. И опыт римской истории только укрепляет его в этом убеждении. Истоки рокового дефекта римской системы Парута обнаруживает в самой специфике царской власти в Риме, какой она стала сразу после Ромула. Народ выбирает царей и, следовательно, ставит их в зависимость от себя; цари почитают для себя необходимостью лояльность по отношению к народу; предпринятое Сервием Туллием деление на центурии тоже способствовало усилению народа как политической силы. В самый момент изгнания царей патриции проявили слабость, не обнаружив воли к консолидации и упустив возможность создать аристократическое государство. Правда, Парута признает, что на ранних этапах существования Римского государства любой другой режим правления, кроме народного, едва ли был возможен: Рим постоянно вел войны, а среди непрестанно воюющих граждан установить диффе-

³⁰ *Paruta P. Della perfezione della vita politica*. Venetia: Nicolini, 1579.

рениацию прав практически невозможно, ибо поля сражений — великолепная школа равенства. Но после изгнания царей необходимо и достаточно было увеличить число патрициев в сенате и ввести суворые законы, которые заставили бы народ, уже и без того привыкший к ярму — но к ярму тирании, — покориться господству аристократии.

Как Полибий, так и Макьявелли видели в римском политическом режиме идеальную модель для государств, претендующих на постоянное расширение своих границ, а в режиме спартанском — образец для тех республик, которые хотят сохранить здоровый образ государственной жизни на долгие времена, не претендуя на увеличение территорий. Парута решительно предпочитает режим спартанский, т.е. консервативный. Ведь, во-первых, сенату в Спарте удалось стать гарантом политического равновесия, сведя при этом к минимуму амбиции как царей, так и народа. Во-вторых, близким к идеалу Паруте представляется имевший место в Спартанском государстве способ распределения материальных благ. Спартанцы сумели предотвратить неукротимый рост имущественного неравенства: таким образом, аристократия оставалась довольна, а народ при этом не бедствовал. И для войны, и для мира Спарта была одинаково хорошо приспособлена, в то время как в Риме, при всех его завоеваниях, никогда не прекращались внутренние конфликты. Вообще государства, не стремящиеся к захвату новых территорий, Парута ставит много выше тех, что ведут агрессивную политику. Ибо любые завоевания неизбежно сопровождаются нарушениями требований справедливости и законности, и эти нарушения имеют отрицательные следствия как для побежденных, так и для самих захватчиков. Кроме того, жизнь у государства консервативного, как доказывает опыт истории, не только спокойнее, но и гораздо продолжительнее, чем у государства-агрессора.

Вторая книга «Политических рассуждений» начинается сравнением судеб Рима и Венеции. Парута следует законам жанра, приступая к традиционному для исторических сочинений сопоставлению собственной локальной истории с историей Рима, и отталкивается от того широко распространенного, в том числе и среди венецианцев, мнения, что Светлейшая с ее коммерческими достижениями смотрится на героическом фоне Рима не слишком-то выгодно. Апо-

логия Венеции под его пером превращается в прокламацию: он последовательно отстаивает артикулированную уже в первой книге программу государственного развития, рассматривая венецианскую историю как реализацию дорогой ему консервативной модели. Разница между Римом и Венецией укоренена уже в происхождении и первых веках существования этих государств. Рим был окружен воинственными народами, основан воинами и воинами же населен, в то время как первыми жителями будущих венецианских владений стали племена, бежавшие под натиском Аттилы, изначально не способные к войне и всегда предпочитавшие ей торговлю, к которой к тому же располагала близость мест их обитания к морю. Мощь Рима в древности сделала его при крайне нестабильном состоянии внутренних дел повелителем мира, однако же спустя несколько веков вместе с величием он лишился и свободы; Венеция, никогда не знавшая внутренних волнений, напротив, сохраняла независимость на протяжении многих веков и сохраняет ее до сих пор, только усиливая свое влияние на прочие государства.

Парута призывает соотечественников отказаться от самой идеи захватнических войн: в лагерях, далеко за пределами метрополий, возникают и обзаводятся сторонниками претенденты на тираническую власть, в условиях постоянной близости смерти солдаты развращаются духом вседозволенности и вызревают мятежи. Кроме того, из всех видов вооруженных сил Венеция по-настоящему располагает только флотом — подобно Афинам или Карфагену, — а такого рода державам, в отличие от способных снарядить сухопутную армию, если и удавалось присоединить к своей территории какие-либо владения, то удержать их надолго не удавалось все равно. Да и нужно ли Венеции укреплять свое величие таким сомнительным путем, как военные экспансии, если даже враги признают ее превосходство перед самыми могущественными из ныне существующих италийских государств? Вот пример Флоренции: в отличие от Светлейшей, мудро управляемой умеющими держать народ в узде аристократами, это процветавшее в прошлом веке государство, то изгоняя Медичи, то позволяя им вновь править собою, в итоге лишилось своей прославленной свободы, а все потому, что Флоренция была «развращена народным государственным устройством (*corrotta per lo Stato popolare*)».

Не только естественнонаучная, но и историко-политическая литература Чинквеченто предоставляет немало доказательств тому, что этот век действительно был эпохой торжества аристотелизма. Стремление увидеть во всяком сколько-нибудь значительном факте истории почву для теоретической спекуляции, соблюдение терминологической точности и приверженность строгости дефиниций, заставляющей вспомнить времена, когда политическая наука была еще прерогативой схоластов, — все это оказывается востребованным в чинквечентистской историографии, причем даже в той ее части, которая создавалась практикующими политиками. Первый образец категориального анализа устройства современного государства дает Гаспаре Контарини в труде «О магистратах и республике венецианцев» (1547)³¹, высоко оцененном Жаном Боденом в его хрестоматийном «Методом легкого познания истории». Другой венецианец и апологет венецианской политики, Агостино Вальер, реализует принцип политического анализа в сочинении «О знатности, обретенной деяниями венецианцев», создававшемся в 1579–1590 гг.³², а Уберто Фольетта применяет его в сочинении чисто историческом («Об истории Генуи», изд. 1597)³³. Донато Джаннотти (1492–1573) пишет в 1531 г. «О Флорентийской республике»³⁴, в совершенно схоластическом духе решая традиционный вопрос о наилучшей форме правления.

Центральным понятием для Джаннотти становится «цель» (*il fine*) государственной жизни: она состоит в *il ben vivere comune degli abitanti* — достижении благополучия всеми жителями государства. Эта благая цель противопоставлена цели дурной — частной выгоде (*privata utilità*) отдельных граждан, наделенных властными полномочиями. Джаннотти разделяет довольно примитивную концепцию возникновения человеческого общежития, основанную на представлении об изна-

³¹ *Contarini G. De Magistratibus et Republica Venetorum*. Basileae: apud Frobenium et Episcopium, 1547.

³² *Valier A. De nobilitate capiende ex rebus a Venetiis gestis*, созд. 1579–1590.

³³ *Dell'istorie di Genoua di mons. Vberto Foglietta patrizio genouese*. Libri XII. Tradotte per m. Francesco Serdonati cittadino fiorentino. Genoua: appresso gli heredi di Girolamo Bartoli, 1597.

³⁴ *Giannotti D. Della Repubblica fiorentina*. Venezia: G.G. Hertz, 1721. Этому сочинению посвящена монография: *Bisaccia G. La «Repubblica fiorentina» di Donato Giannotti*. Firenze: Leo S. Olschki, 1978.

чальной ущербности человеческой природы как причине совместного существования людей (напомним, что еще Цицерон, будучи противником этой точки зрения, изобрел гораздо более тонкое объяснение склонности человеческих особей к образованию сообществ). Люди, повторяет Джаннотти вслед за Аристотелем и длинной вереницей его приверженцев, собираются вместе для того, чтобы защищаться и добывать себе пропитание, так как человек в отличие от животных лишен способности делать все это, не прибегая к помощи себе подобных. Когда на одном месте собирается ради основания города множество людей, между ними неизбежно чинится несправедливость, начинаются распри, и для устранения оных народ сообща изобретает «способ и правило (*modo e regola*)», позволяющие избежать нестроений в обществе или устранять их последствия. Это и есть «*Repubblica*» — общественное установление (*instituzione* или *ordinazione*), принятое и признанное всеми населяющими город жителями и — в идеале — призванное обеспечивать порядок и быть гарантом благополучия и процветания всех граждан. Для отправления функций, связанных с поддержанием порядка, группы граждан или отдельные лица наделяются особыми полномочиями — из них составляются органы управления (*amministrazione*) Республики. Все граждане государства делятся на бедных, обеспеченных (Джаннотти называет их *mediocri*) и богатых. Первые две из названных категорий не желают повиноваться никакой власти, кроме единой для всех и ни для кого не допускающей исключений и послаблений, т.е. власти закона. Но если бедным в условиях всеобщего повиновения Закону достаточно одной лишь свободы, то обеспеченные желают для себя еще и почестей (*onore*), а богатые — власти (*imperio*).

Теоретически, если обустроить государство таким образом, что в нем каждое из сословий достигнет того, чего желает, т.е. одни станут пользоваться свободой, другие — свободой и почестями, а третьи — свободой, почестями и властью, такое государство будет стоять вечно, так как в нем не найдется никого, чьи притязания не были бы удовлетворены. Но сделать одно и то же государство одновременно монархией (*un Regno*), аристократической республикой (*uno Stato dei pochi*) и республикой демократической (*un Governo di molti*) невозможно. А потому разумно будет учредить такой порядок: «...нужно, чтобы был один правитель, но его принципат не зависел бы от него; нужно, чтобы управляли аристократы (*i Grandi*), но их власт-

ные полномочия (*autorità*) исходили бы не от них; нужно, чтобы множество граждан было свободным, но свобода эта не была бы независимой ни от чего (*ma che tal libertà abbia dipendenza*); и наконец, нужно, чтобы обеспеченные граждане, помимо свободы, могли стяжать еще и почести, но таковая возможность не находилась бы в их собственном распоряжении»³⁵.

4

Контрреформация дала импульс к новому эпистемологическому синтезу: обе половины распавшегося надвое мира — протестантская и католическая — увидели путь к самооправданию и самоутверждению в составлении собственного, конфессионально ориентированного и догматически выверенного канона всех вообще накопленных человечеством знаний — от естественнонаучных до социально-исторических. Яркий образец римской версии контрреформационной историографии дает Чезаре Баронио (1538–1607) в «Церковных анналах от рождения Христова»³⁶. Баронио начал писать свой труд по приказу папы Сикста V, пожелавшего дать симметричный ответ на составленные протестантскими богословами в 1559–1574 гг. «Магдебургские центурии». Каждый из 13 томов протестантского свода включал в себя повествование о событиях одного века церковной истории, и интерпретация исторических действий подчинялась целям апологии реформации и деструкции авторитета католической

³⁵ *Cecchi E., Sapegno N.* Op. cit. P. 61–64.

³⁶ *Baronii C. Annales ecclesiastici a Christo nato.* Romae: ex typographia Vaticana. 12 vv. 1588–1607. Ч. Баронио был одним из очень немногих западноевропейских ученых, чья слава дошла до Руси: в польском переводе 1603 г. его читал св. Димитрий Ростовский, и с польского же издания 1687 г. некий инок Игнатий по приказанию митрополита Рязанского и Муромского Иосифа сделал перевод «Церковных анналов» на церковнославянский язык («Годовые дела церковные от Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, вновь переведенные, нужнейшие вещи из Барониуса, второго друкования»). Выдержки из Баронио, иногда искаженные почти до неузнаваемости, можно найти в многочисленных «Цветниках» — так назывались сборники для духовного чтения, бывшие в ходу у старообрядцев, особенно поморских. Сам Баронио тоже проявлял определенный интерес к восточно-славянскому миру: один из его трактатов посвящен вопросу о происхождении народа «рутеннов», которых греки называли «россами», а латиняне «руссами».

церкви. Достойным ответом Св. Престола стала составленная Баронио 12-томная сумма подробнейших, хорошо документированных сведений из самых разных областей истории Церкви от I в. н. э. до 1198 г. Автор «Церковных анналов» занимал при Св. Престоле высочайшие должности: в 1594 г. он стал духовником папы Климента VIII³⁷, в 1596-м — кардиналом, а в 1597 г. — префектом отстроенной усилиями его покровителя Сикста V³⁸ Ватиканской библиотеки. Таким образом, ему было вверено одно из лучших в то время собраний древних и новых церковно-исторических источников. Он сделался едва ли не первым в мире серьезным специалистом по церковной археологии. Его «Анналы» содержат информацию, которой Баронио был обязан раскопкам, проведенным в римских катакомбах в 1578 г. От самого момента своего возникновения церковная археология была подчинена целям апологии католической церкви и антипротестантской полемики: материальные свидетельства оказывались иногда лучшими доказательствами древности церковных установлений и институтов, чем даже тексты.

Презумпцией автора «Церковных анналов» явился принципиальный антиисторизм его воззрений на церковную историю: он и сам убежден, и читателей стремится убедить в том, что со времени основания Церкви правила ее существования и ее институты, по сути, остаются неизменными. История «по Баронио» учит в первую очередь тому, что истоки любого конститутивного для современного состояния Церкви явления можно обнаружить уже в глубокой древности, а принадлежность церковных установлений к апостольской эпохе в свою очередь является достаточным аргументом в пользу целесообразности их существования в настоящем. (Возможно, именно поэтому и в наши дни Баронио остается одним из очень немногих католических авторов, чье творчество обязательно входит в курсы церковной истории в учебных заведениях православной церкви.) Принципиальная позиция создателя «Церковных анналов» состоит в том, что наряду со сведениями, научности которых не стал бы отрицать и современный историк, в частности с археологическими данными, он добросовестно воспроизводит легенды и пророчества, в

³⁷ Климент VIII — в миру Ипполито Альдобрандини (1536–1605), папа римский с 1592 г.

³⁸ Сикст V — в миру Феличе Перетти ди Монтальяно (1521–1590), папа римский с 1585 г.

том числе и те писания язычников, которые в Средние века почитались прорицаниями о пришествии Христа. Позже швейцарский филолог Исаак Казобон воспользуется его трудом как прецедентом для филологических упражнений в доказательстве позднего происхождения герметических текстов и сивиллиных пророчеств³⁹. Таким образом, историографическое кредо Баронио совпадает с его религиозным кредо: он занят восстановлением церковного предания во всей его полноте, т.е. собиранием и упорядочивающим воспроизведением всех известных ему фактов, свидетельств, авторитетных и не очень авторитетных мнений, имеющих отношение к его предмету. Эффективность решения апологетических задач гарантирована тотальностью приводимой информации: кажется, что сама способность анналиста восстановить сведения из церковной истории в таком объеме и с такой тщательностью уже служит достаточным обоснованием необходимости как существования католической церкви в ее современном автору состоянии, так и безусловного повиновения ее безграничному авторитету.

Томмазо Боцио (1548–1610), принадлежавший к одной с Баронио духовной конгрегации Римского оратория, соединяет задачи Контрреформации с пафосом антимакьявеллизма. Он провозглашает римского понтифика единственным истинным государем, чья власть способна объединить Италию и принести ей мир, и опровергает автора «Государя» и иже с ним в пяти сочинениях: «О государствах католиков, военной мощью стяжавших долговечность и обилие земель, против Макьявеллия»⁴⁰, «О власти доблести, или О достижении власти доблестями истинными, а не мнимыми, против Николая Макьявеллия»⁴¹, «О древнем и новом состоянии Италии против Николая Макьявеллия»⁴²; «О гибели народов и Царств против нечести-

³⁹ См. об этом на русском языке подробнее в гл. 21 широко известной книги: *Йеимс Ф.* Джордано Бруно и герметическая традиция. Пер. с англ. Г. Дашевского. М., 2000. С. 351 и далее.

⁴⁰ *Bozii T.* De robore bellico diuturnis et amplis catholicorum regnis adversus Machiavellum. Roma: B. Bonfadini, 1593.

⁴¹ *Idem.* De imperio virtutis h. e. Imperium pendere a veris et non simulatis virtutibus libri duo adversum Nicholaum Machiavellum. Roma: B. Bonfadini, 1593.

⁴² *Idem.* De antiquo et novo Italiae statu libri IV, adversus Nicholaum Machiavellum. Roma, 1595.

вых Политиков»⁴³; «О самодержавии и полномочиях Церкви сего века против нечестивых политиков и еретиков нынешнего времени»⁴⁴.

Prisca theologia – разработанная Марсилио Фичино концепция «древнего богословия», единого монотеистического учения, идущего от Моисея, Гермеса Трисмегиста, Зороастра, Орфея, Платона и платоников и унаследованного христианским миром через Дионисия Ареопагита, – легла в основу историософских спекуляций, призванных оправдать первенство римского понтифика в политическом мире. Доминиканец Аннио из Витербо (ок. 1432–1502), знаток восточных языков и блестящий проповедник, в 1499 г. удостоенный должности папского цензора (*magister Sacri Palatii*), романизировал *prisca theologia* Фичино, превратив ее в *translatio sapientiae* – наследование римским первосвященником древней мудрости евреев через этрусков.

Идеи Аннио нашли продолжение в творчестве его соотечественника Эджидио Антонини (1469–1532)⁴⁵. Как и Аннио, Эджидио преуспел в ориенталистских штудиях, вошедших в Риме в моду во время понтификата страстного любителя псевдовосточной эзотерики Александра VI⁴⁶. Историческое мышление Эджидио вызревало в атмосфере, проникнутой романоцентристским мистицизмом широко распространившихся к концу Кватроченто пророчеств о приближающемся обновлении Церкви. Эти пророчества были запечатлены, в частности, в апокрифическом «Новом Апокалипсисе» (*Apochalypsis nova*), приписываемом то португальскому монаху Хоану Менешесу да Сильва, то уроженцу славянских земель, францисканцу Юраю Драгишичу. В них говорилось об *ангелическом pane*, который уже рожден в Риме и пока пребывает в бедности и безвестности, но вскоре взой-

⁴³ *Idem.* De ruinis gentium et Regnorum adversus impios Politicos libri VIII. Coloniae Agrippinae: Apud Ioannem Gymnicum..., 1598.

⁴⁴ *Idem.* De temporali Ecclesie monarchia et iurisdictione adversus impios politicos et huius temporis hereticos. Roma: Zannetti, 1601.

⁴⁵ Эджидио Антонини чаще фигурирует в исследовательской литературе как Эгидий из Витербо. В молодости Эджидио был студентом Падуанского университета, дружил с Фичино и Джовиано Понтано, который сделал его заглавным героем одного из своих диалогов (*Egidius, 1501*). Вступив в августинский орден в восемнадцатилетнем возрасте, он сделал головокружительную карьеру на поприще церковной дипломатии и в 1507 г. стал генералом августинцев, а десять лет спустя принял кардинальский сан и в 1523 г. был назначен епископом Витербо.

⁴⁶ Александр VI – в миру Родриго Борджиа (1431–1503), папа римский с 1492 г.

дет на престол св. Петра. В написанной Эджидио между 1513 и 1518 гг. для папы Льва X «Истории двадцати веков» (*Historia XX saeculorum*) перипетии судьбы римской базилики св. Петра истолковываются как этапы божественного Откровения, а деяния последних понтификов, от Сикста IV до Юлия II, рассматриваются как возвращение к той форме соединения в одних руках сакральной и светской власти, которая была известна древним евреям во времена от Моисея до Соломона⁴⁷.

5

Для первых историков-гуманистов изучение истории было усвоением синкретического набора текстовых и материальных свидетельств о прошлом, а создание исторического труда – в значительной степени риторическим упражнением. Гуманистическая историография, жестко ориентированная на античные модели историописания, предпочитающая универсальность риторической схемы конкретности факта и культивирующая антикварную эрудицию, не перестает существовать и на протяжении Чинквеченто. Однако магистральное развитие исторического знания идет по пути обретения все большей внутренней дифференцированности. Из первозданного смешения видов знания, источников и способов работы с ними выделяются и обретают собственную жизнь отдельные исторические дисциплины. У каждого из складывающихся жанров трансляции исторического знания появляется своя аудитория. Издательская практика, всегда чуткая к потребностям читающей публики, закрепляет начавшееся расслоение потенциальных потребителей печатной продукции исторического содержания на знатоков и любителей. Эти две основные категории книжного рынка в свою очередь подвергаются более дробному делению – и издательские дома стремятся учитывать интересы всех мыслимых заказчиков и покупателей.

⁴⁷ Об историософии Эджидио см.: Roma del Rinascimento / a cura di A. Pinelli. Roma – Bari, 2001. P. 232 sgg.; *O'Malley J.* Historical Thought and the Reform Crisis of the Early Sixteenth Century // *Theological Studies*. 1967. No. 28. P. 531–548 (электронная версия этой работы: http://www.bc.edu/offices/mission/exploring/catholicism/omalley_historical_thought.html#notes2).

Возникают десятки и сотни издателей и компиляторов, которые занимаются популяризацией «большой» историографии – подготовкой к печати исторических трудов, причисленных к классике жанра, и созданием всякого рода их облегченных версий. Популяризаторы создают свой канон историографии: на первом месте для них стоит Франческо Гвиччардини, в их глазах превосходящий всех, в том числе и древних, авторов проницательностью в искусстве управления государством, образцовым порядком изложения и языком. Наряду с сочинениями античных, лучших кватрочентистских историков и Гвиччардини, канон историографии, сложившийся во второй половине XVI в., включает в себя «Историю нынешнего времени»⁴⁸ епископа Ночеры и Комо Паоло Джовио (1483–1552)⁴⁹. Сходство двух создававшихся почти одновременно «историй» – Гвиччардини и Джовио – ограничивается, пожалуй, только их объемами и тем, что с разницей в десять лет они были изданы одним типографом, Лоренцо Торрентино. Если Гвиччардини до сих пор почитается реформатором историописания, то труд его коллеги и современника, как правило, признается анахронизмом даже для эпохи, когда он увидел свет, а эпитет «дилетант» пособия по истории литературы выносят в заглавия статей о Джовио. Программа Джовио – создание истории всей Европы и Ближнего Востока; Италия оказывается при такой широте историографической оптики лишь частью гораздо более масштабного целого. Стремление к созданию энциклопедии, которая вобрала бы в себя сведения о ближайшем прошлом и повседневной жизни не одной только Италии, но и удаленных от нее территорий, позволяет видеть в Джовио продолжателя гуманистической традиции, у истоков которой стояли Эней Сильвий Пикколомини (1405–1464,

⁴⁸ *P. Jovii* *Historiarum sui temporis libri XLV*. Florenti: apud Laurentium Torrentinum, 1550–1552. История создания и публикации труда Джовио представляет собой почти неразрешимую текстологическую проблему: из обещанных автором 45 книг «Истории» некоторые, как предполагают исследователи, никогда не были написаны, а те, что вышли в свет непосредственно накануне разграбления Рима 1527 г. (Sacco di Roma), навсегда утрачены – как кажется, вместе с рукописью. До наших дней дошла лишь часть сочинения, изданная в 1550–1552 гг., в ней освещаются события от вторжения в Италию Карла VIII до 1547 г.

⁴⁹ В писаниях Дмитрия Герасимова, который в 1525–1526 гг. находился при дворе папы Климента VII в качестве посла русского государя Василия III, Джовио фигурирует как Павел Иовий Новокомский. Сам Джовио рассказал об этой миссии в сочинении «О посольстве Василия, великого князя Московии» (*De legatione Basilii Magni Principis Moschoviae*. Roma: F.M. Calvo, 1525).

папа Пий II с 1458 г.) с грандиозным проектом «Истории событий, где бы то ни было происшедших, с описанием земель»⁵⁰ и прочими учеными сочинениями, повествующими о частях света, обычаях отдельных народов и веках их истории, и Юлий Помпоний Лет с путевыми заметками, в которых цитат из греческих и римских географов много больше, чем личных впечатлений.

В эрудитских пристрастиях, перенесенных из Кватроченто в XVI в., Джовио вовсе не был одинок. Об этом свидетельствует как впечатляющее число переизданий его труда, так и наличие коллег-единомышленников. Первого хранителя флорентийской библиотеки Лауренциана Пьерфранческо Джамбуллари (1495–1555) можно назвать и одним из первых медиевистов в мире: он был автором «Истории Европы»⁵¹, повествующей о варварских вторжениях в Италию на протяжении 887–974 гг. Работая над этим трудом, Джамбуллари пользовался почти исключительно средневековыми источниками, главным образом «Антаподосисом» Лиутпранда Кремонского. Среди чинквечентистских наследников компендиумов XV в., этих сплавов политической истории, географии, этнографии и просто исторических анекдотов, следует упомянуть Леандро Альберти, который, вдохновляясь «Описанием Италии»⁵² Флавио Бьондо (1392–1463), создал собственное «Описание всей Италии»⁵³, и Гвидо Панчиоли (1523–1599), составившего археологическое «Описание Города Рима»⁵⁴. Карло Сигонио (1524–1584) удалось реализовать два проекта, каждый из которых по масштабу сравним с «Церковными анналами» Баронио: это 15 книг «Истории Итальянского государства»⁵⁵ и 20 книг «Истории Западной империи»⁵⁶. Ему же принадлежит одно из первых исследований по истории римского законодательства — сочинение

⁵⁰ *Historia rerum ubique gestarum locorumque descriptio*, известна также под названием *Cosmographia*.

⁵¹ *Giambullari P. Istoria dell'Europa*. P.: De Marnef & Cavellat, 1566 (изд. посмертно).

⁵² *Biondi F. Italia illustrata*. Roma: J.Ph. de Lignamine, 1474.

⁵³ *Alberti L. Descrizione di tutta Italia*. Bologna: Giaccarelli, 1550.

⁵⁴ *Panciroli G. Descriptio Urbis Romae*. Venezia, 1593.

⁵⁵ *Sigonio C. Historiarum de Regno Italiae libri XV*. Venetia: Ziletto, 1574.

⁵⁶ *Idem. Historiarum de occidental imperio libri XX*. Basileae: ex officina Thomae Guarini, 1579.

«О древнем праве римских граждан, Италии и провинций, и о римском судопроизводстве»⁵⁷.

В ходе формирования политической науки как обособленной и самостоятельной сферы мышления и языка историческое знание все в большей степени становится лабораторией практической политики. В предисловиях и дидактических текстах, которыми популяризаторы сопровождали свои издания, складывалась усредненная версия теории историописания, представлявшая собой компиляцию гуманистических воззрений на труд историка и тех максим, которые можно было экстрагировать из разнообразных сочинений Гвиччардини и Макьявелли. Первая задача истории — готовить человека к гражданской жизни (*vita civile*). История составляет ядро программы гуманитарных штудий, участвовать в которых необходимо всякому образованному человеку, какой бы деятельностью он ни занимался. Цикличность, подразумевающая в судьбах государств переход от расцвета к упадку, есть закон истории. Поэтому люди не способны предотвратить «крушение и гибель» государств; но все-таки следует признать за человеком способность хотя бы отчасти контролировать свою судьбу и учиться на чужом опыте. Разумные решения, которые могут в известных пределах изменять положение дел в государстве, постоянно стремящемся к упадку, должны приниматься на основе изучения истории: каждое конкретное событие неповторимо, но в действиях людей разных времен можно обнаружить сходство. Пусть уроки истории и не содержат определенных и фиксированных правил (вспомним, как последовательно проводил эту идею Гвиччардини), но они позволяют разумному правителю лучше понимать природу политической жизни. *Vita activa*, жизнь деятельная — понятие античной этики, имевшее в гуманистической литературе конца XIV–XV вв. долгую предысторию, — интерпретируется в первую очередь как активность политическая, и участие гражданина в политической практике (*cose di stato*) провозглашается самым важным и достойным делом его жизни.

В противовес тенденциям, поддерживаемым деятелями Контрреформации, популяризаторы относятся к истории как к феномену сугубо секулярному: в интерпретации исторических событий, их при-

⁵⁷ *Idem. De antique iure civium romanorum, Italiae, provinciarum, ac romanae iurisprudentiae iudiciis*, 1576.

чин и следствий первостепенной важностью для них обладает актуальный политический контекст. Так формируется дидактически упрощенный облик истории — ее изучению вменяется конкретная, узко прагматическая цель: дать гражданину базовое политологическое и административное образование, чтобы сделать его участие в государственных делах более осмысленным и эффективным.

Примером успеха историко-просветительской деятельности может служить эдиционная биография Франческо Сансовино (1521—1583)⁵⁸. Для своей эпохи он был, пожалуй, одним из самых плодотворных популяризаторов исторического знания. Некоторые из его изданий составлены по принципам, которыми до нынешнего дня руководствуются авторы туристических путеводителей. Таковы компендиумы «Описание самых знаменитых и славных городов Италии»⁵⁹ и «Презнатный и удивительный город Венеция»⁶⁰, содержащий описание институтов государственного управления, архитектурных памятников, традиций Светлейшей, а также краткое изложение биографий выдающихся венецианцев. Интерес читательской аудитории к актуальной ситуации в международной политике были призваны удовлетворить «Всеобщая история происхождения и государства турок»⁶¹, где излагается отнюдь не только политическая история Османской империи, но и то, что мы назвали бы историей повседневности, и «Анналы, или Жизнеописания князей и владык из Османского королевского дома»⁶².

Популяризаторам мы обязаны первыми «краткими курсами» как всемирной, так и локальной истории. К их числу можно отнести трех-

⁵⁸ О деятельности **Фр. Сансовино в контексте тенденций в популяризации исторического знания**, ориентированной на разные группы потребителей печатной продукции, см. исследование, на результаты которого мы во многом опираемся в нашем дальнейшем изложении: *Grendler P.F. Francesco Sansovino and Italian Popular History 1560–1600 // Studies in the Renaissance. 1969. Vol. 16. P. 139–180.*

⁵⁹ *Sansovino F. Ritratto delle più nobili et famose città d'Italia. Venetia: Sansovino, 1575.*

⁶⁰ *Idem. Venetia, città nobilissima et singolare, descritta in XII libri. Venetia: J. Sansovino, 1581.*

⁶¹ *Idem. Dell'istoria universale dell'origine et imperio de'Turchi. Venetia: Sansovino, 1560.*

⁶² *Idem. Gl'annali overo le vite de'Principi et Signori della casa Othomana. Venetia: J. Sansovino, 1570.*

томную «Хронологию»⁶³ все того же Сансовино — краткое изложение основных событий от сотворения мира до 1578 г., а также основных сведений о правителях эпох Античности и Средневековья (не только Западной Европы, но и Византии и государств Ближнего Востока) и о дворянских родах Италии. Последнюю из перечисленных тем Сансовино развивает в специально посвященном ей сочинении «Происхождение и деяния знатных семейств Италии»⁶⁴. Лудовико Дольче изобрел «Календарь всемирной истории»⁶⁵ — занимательное чтение в часы досуга и незаменимое подспорье для составления текстов публичных выступлений и писания писем. О каждом дне года в этом издании сообщалось, какие именно знаменательные события отдаленного (начиная от основания Рима) или недавнего (вплоть до 1568 г.) прошлого, будь то из области политической истории или из биографий выдающихся людей, в этот день произошли. Прибегнув к календарю Дольче, читатель мог восстановить в памяти забытую дату известного ему события: для этого было достаточно обратиться к 86-страничному индексу, помещенному в книге.

В предназначенной для массового чтения исторической литературе были свои бульварные жанры: биографии (особый интерес вызвала судьба императора Карла V — его биографии писали, в частности, известные нам Л. Дольче в 1561 г. и Ф. Сансовино в 1567-м) и собрания исторических анекдотов. В 1558 г. вышли в свет многократно переиздававшиеся впоследствии «Разнообразные истории»⁶⁶ Лудовико Доменики. Это коллекция коротких рассказов, которые в первом издании группировались вокруг своих протагонистов — исторических фигур, чьи имена были хорошо известны широкому читателю, а во втором⁶⁷ распределены в соответствии с этическими свойствами и проявлениями, примерами которых они могут служить

⁶³ *Idem. Cronologia del Mondo... divisa in tre libri. Venetia: nella Stamperia della Luna, 1580.*

⁶⁴ *Idem. Origine et fatti delle famiglie illustri d'Italia. Vinegia: A. Salicato, 1582.*

⁶⁵ *Dolce L. Giornale delle historie del mondo, Delle cose degne di memoria di giorno in giorno occorse dal principio del Mondo sino a' suoi tempi. Venezia: Al segno della Salamandra, 1572.*

⁶⁶ *Historia varia di M. Lodouico Domenichi, nella quale si contengono molte cose argute nobili e degne di memoria di diuersi principi & huomini illustri, diuisa in XIII libri. Vinegia: Giolito, 1558.*

⁶⁷ *Venetia: Giolito, 1564.*

(«отомщенный адюльтер», «невоздержанность в каком-либо отношении», «твердость духа в невзгодах» и т.п.).

В XVI в. возникает и быстро завоевывает популярность жанр *concetti* — собрания кратких основанных на парадоксах высказываний. В эпоху барокко он достигнет своего акме, эмансипировавшись от историографии и существенно ослабив связи с политической литературой. Однако чинквечентистская предыстория *concetti* позволяет судить о том, в какой степени они укоренены в историографической культуре. *Concetti* получают распространение именно как жанр политической дидактики: у его истоков стоят Гвиччардини со своими *Ricordi* и Макьявелли, возведший парадокс в принцип политического мышления. Коллекции умозаключений, годных к употреблению, будь то для упражнения ума в часы досуга или для поддержания изысканной придворной беседы, оказались чрезвычайно востребованными. Свидетельством тому может служить факт, что с 1551 по 1585 г. девять изданий выдержали «Умозаключения Джироламо Гаримберти и других авторов, собранные им для того, чтобы записать их на свой лад»⁶⁸. С 1578 по 1603 г. пять раз выходил в свет составленный Франческо Сансовино сборник под названием «Политические умозаключения, извлеченные из писаний различных греческих, латинских и итальянских авторов ради блага и удобства тех, кому выпало править Республиками и Княжествами, на все случаи жизни, будь то в военное или мирное время»⁶⁹.

Для читателей, не располагающих временем, достаточным для подробного знакомства с классическими историческими трудами, создавались облегченные версии — переводы и эпитомы. Перевод труда Паоло Джовио, подготовленный Лодовико Доменики⁷⁰, поль-

⁶⁸ *Concetti di Hieronimo Garimberto et di più autori, raccolti da lui per scrivere familiarmente*. Romae: V. Valgrisi, 1551.

⁶⁹ *Concetti politici di Fr. Sansovino* raccolti da gli scritti di diversi autori, greci, latini e volgari, a beneficio e comodo di coloro che attendono a' governi delle Repubbliche e dei Principati, in ogni occasione, così di guerra come di pace. Venezia: A. Bertano, 1578. Число афоризмов в сборнике от издания к изданию колебалось от 479 до 805. О собрании афоризмов, созданном Сансовино, см. исследование: *Luciani V. Sansovino's Concetti Politici and Their Debt to Guicciardini* // *Publications of the Modern Language Association of America* (PMLA). 1950. Vol. 65. No. 6. P. 1181–1195.

⁷⁰ La prima parte dell'istorie del suo tempo di *Mons. Paolo Giovio da Como, vescovo di Nocera*, tradotta per *M. Lodovico Domenichi*... con un supplimento sopra le medesime Istorie, fatto da *Girolamo Ruscelli*... Venetia: G.M. Bonelli, 1560.

зовался большей популярностью, чем латинский оригинал. Винченцо Картари в 1562 г. издал сокращенный вариант «Истории...» Джовио⁷¹, а Сансовино в 1580 г. — облегченный вариант гигантской «Истории Италии» Гвиччардини⁷²: его версия по объему была равна одной шестой части оригинала, хотя композиция труда и деление на книги оставались прежними. Томмазо Поркакки (ок. 1530–1585) в 1550–1560-е гг. выпустил в свет серию из десяти компендиумов, которые современники называли *gioie storiche* — «сокровищница истории», и сопроводил их подборкой итальянских переводов античных авторов (*Collana Historica*)⁷³.

Однако в читательской среде существовал и противоположный запрос — на издания, пользуясь которыми можно было самостоятельно разрешить все трудности, связанные с освоением классического текста или исторического источника. Этот запрос, собственно, и послужил импульсом к складыванию канонов, до сих пор актуальных в осуществлении научного издания, — к формированию критического аппарата. Франческо Сансовино сопровождает «Историю Италии» Гвиччардини краткой биографией автора (в этом виде труд Гвиччардини с 1562 по 1645 г. выдержал семь изданий). Его примеру следуют другие издатели: назовем хотя бы Ремиджо Наннини, расширившего в своем издании «Истории Италии» биографию Гвиччардини и прибавившего маргинальные пометы (девять переизданий с 1563 по 1640 г.), и Томмазо Поркакки: в подготовленное им издание 1574 г., снабженное маргинальными пометами и таблицами, вошел еще и панегирик «Истории» Гвиччардини.

Наряду с тенденциями к «утилизации» истории — превращению ее в полигон для политических экспериментов или школу государственного администрирования и придворного остроумия, с одной стороны, и к окончательному закреплению за ней статуса науки, с другой, в бытии исторического знания в эпоху Чинквеченто есть еще один, и не менее важный, модус. В воззрениях поздних гуманистов, большей частью занявших теперь университетские кафедры, история все отчетливее утверждается в статусе искусства, организован-

⁷¹ *Compendio dell' historie di Monsignor Paolo Giovio da Como, vescovo di Nocera*, fatto per *M. Vincentio Cartari da Reggio*. Vinegia: Gabriel Giolito de Ferrari, 1562.

⁷² *Sansovino F. Dell' Epitome dell' historia d' Italia di M. Francesco Guicciardini Libri XX*... Venetia: per ordine di Jacopo Sansovino, 1580.

⁷³ См.: *Grendler P.F.* Op. cit. P. 158–159.

ного по своим особым законам, подлежащим познанию и кодификации. Первая «поэтика историописания» — и фактически первая классицистическая поэтика эпохи Ренессанса — это написанный в 1499 г. «Акций» (Actius) Джовиано Понтано⁷⁴. После выхода этого диалога в свет вплоть до середины XVI столетия никаких других рецептов для историков не создавалось, зато во второй половине века они появляются в изобилии: в 1548 г. Франческо Робортелло издает «Рассуждение о способе историописания»⁷⁵ (в некоторых изданиях это сочинение носило название «De arte historica» — «Об искусстве историописания»), в 1559-м выходит «Рассуждение о превосходстве и совершенстве истории» Диониджи Атанаджи⁷⁶, в 1568-м — «Заметки об истории» Антонио Риккобони⁷⁷, в 1569-м — «О том, как надлежит писать историю» Джаннантонио Виперано⁷⁸, в 1574-м — «О способе историописания» Уберто Фольетта⁷⁹, в 1586-м — «Наставления в писании истории» Алессандро Сарди⁸⁰, в 1596-м — «Диалог об истории» Спероне Сперони⁸¹. Но все эти труды несут на себе печать слишком отвлеченной риторической теории, не просто плохо знакомой с практикой историописания, но и сознательно не стремящейся к ней приблизиться. Исключением среди них выглядит Франческо Патрици с его «Десятью диалогами об истории»⁸². В ее современном состоянии наука о том, как следует писать историю, он рассматривает как одну из областей знания, где восторжествовал аристотелизм. С его точки зрения, критике подлежит именно аристотелианская, т.е. основанная на риторических схемах, методология изучения и писания истории. Он говорит, что условия человеческого

⁷⁴ См. изложение посвященного историографии раздела этого диалога на русском языке: История литературы Италии... Т. II. Ч. 2. С. 133–138.

⁷⁵ *Francisci Robortelli Viinensis. De historica facultate, disputatio.* Florenti: apud Laurentium Torrentinum, 1548.

⁷⁶ *Atanagi D. Ragionamento de la excellentia et perfettion de la historia.* Venetia: D. & C. de Nicolini, 1559.

⁷⁷ *Riccoboni A. Commentarius de historia.* Venetia: apud I. Barilettum, 1568.

⁷⁸ *Viperano G. De scribenda historia.* Antuerpiae: ex officina Christophori Plantini, 1569.

⁷⁹ *Uberti Folietae. De ratione scribendae historiae // Eiusdem Opuscula nonnulla.* Romae: apud Vincentium Accoltum & Valentem Panitium socios, 1574.

⁸⁰ *Sardi A. Dei precetti storici // Discorsi del' A. Sardo...* Venetia: Giolito, 1586.

⁸¹ *Dialoghi del sig. Speron Speroni nobile padovano, di nuovo ricorretti; a' quali sono aggiunti molti altri non più stampati...* Venetia: R. Meietti, 1596.

⁸² *Patrizi F. Della Historia dieci dialoghi.* Venetia: A. Arrivabene, 1560.

познания — ограниченность разума временем и пространством, его зависимость от чувственного опыта, а равно и многообразие и неповторимость событий истории делают невозможным применение каких-либо законов и правил в организации исторического знания; сверх того, бессмысленно искать истину в сочинениях историков — зачастую, как мы сказали бы сейчас, политически ангажированных и подчиняющихся якобы объективное изложение событий собственным сиюминутным интересам и целям.

Патрици был одним из первых, кто, обратившись к исторической науке, увидел в ней почву для постановки вопроса о *методе* научного исследования. Возникнув в лоне риторики — как это было у Бенедетто Варки⁸³ — и историографии, проблема метода к концу XVI в. превратилась в средоточие интеллектуальных усилий, в предмет самых важных научных дискуссий, итогом которых в следующем, XVII, столетии станет «Рассуждение о методе» Декарта.

⁸³ *Varchi B. Del metodo // Lezioni sul Dante e prose varie di Benedetto Varchi, la maggior parte inedite; tratte ora in luce dagli originali della Biblioteca Rinucciniana per cura e opera di Giuseppe Aiazzi e Lelio Arbib.* Firenze, A Spese della Societa editrice delle storie del Nardi e del Varchi, 1841. См. электронную версию этого сочинения: <http://bivio.signum.sns.it/bvWorkPage.php?pbSuffix=82%2C1946856&resetPageNav=1>.

Препринт WP6/2009/08
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Иванова Ю.В., Соколов П.В.

**Основные направления политической мысли
и историографии Чинквеченто
после Макьявелли и Гвиччардини**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Корректор Т.Г. Беляева
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии Государственного университета –
Высшей школы экономики с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2
Усл. печ. л. 2,09. Заказ № . Изд. № 1146

Государственный университет – Высшая школа экономики
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Государственного университета – Высшей школы экономики
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Тел.: (495) 772-95-71; 772-95-73